

ФИЛОСОФСКИЙ НАРРАТИВ И ФИЛОСОФСКАЯ ИМИТАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЖАНРОВОЙ МАРКИРОВАННОСТИ

Сергей Гейченко
кафедра русского языка
Российский государственный
университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
sergeychenko@mail.ru

Аннотация: В данной статье производится попытка анализа аспектов имитации русского философского текста на основе жанровых маркеров. Рассматриваются условия бытования современного языка философии, проблема русского философского стиля, признаки и свойства русского философского текста.

Ключевые слова: философский текст, жанр, философская имитация, стилистика философствования, идиостиль философа.

Дискурс преподавания литературы в России предполагает диахроническое изучение её жанровых моделей, в том числе тех, которые находятся в положении обособленной, элитарной интеллектуальной сферы, но всегда влияли на литературный процесс. Такой областью по отношению к русской литературе является русская философия, идеи которой были двигателем мышления русских писателей XIX–XX вв. Современная гуманитарная наука, к которой в общественном сознании примыкает философия, давно сталкивается с проблемой симулякров и имитаций в постиндустриальном мире. Проблема философской имитации, «подлинности» продукта мысли и достоверности философского высказывания в современной русской культуре стоит остро, ведь новое информационное общество не очень взыскательно к содержанию концепций, как научных, так и философских, а больше озабочено встраиваемостью их в появляющиеся ниши, а также тиражированием сигналов о них.

Атаки со стороны естественнонаучного сообщества, требующего к любой теории применять критерий Поппера привели к тому, что философы были вынуждены или перейти в неопозитивизм и отказаться от «непроверяемой» метафизики, или абстрагироваться от многих требований научности, разрабатывая темы, подходы и жанры, характерные для богословия, феноменологии или словесного искусства прошлого, углубляясь в мистику, демонстративно создавая разрыв с академическим контекстом. Философский дискурс в филологии до сих пор изучался фрагментарно, его анализом больше занимались сами философы. Лингвисты обращались к этим темам нечасто, но в работах Н.М. Азаровой, А.П. Алексеева, Л.А. Гоготишвили, В.И. Постоваловой и др. можно найти как разбор отдельных идиостилей философов, так и попытки типологического исследования функциональных элементов стиля философии. Но возникает вопрос: что есть философский текст с точки зрения его устройства, а не цели, с точки зрения его стиля и конструкции, а не прагматики и рецепции? Не менее важно понять, как возможно имитировать тексты философских жанров и какие речевые механизмы при этом работают. Нужно, чтобы в будущем возможно стало доказать целостность, системность, внутреннюю продуктивность философского знания с точки зрения одной из его главных задач: выстраивания метанауки, создания метатекста для целей мышления.

На современном этапе развития стилистики не представляется уместным выделение отдельного философского стиля в русском языке, поскольку, несмотря на наличие очевидной самостоятельной «философской функции» текстов русских мыслителей, не наблюдается достаточного числа и объёма стилистически окрашенных речевых средств, стабильно маркированных как принадлежащие философскому стилю и дискурсу. Русская философия пользуется аксиологическими и функционально-стилистическими маркерами научного, религиозного и художественного стилей, однако собственной языковой сферы на общей границе этих трёх сред выработать не успела. Возможно, этого не произошло не только из-за исторических обстоятельств, но и в силу элитарности философствования, ведь оно, по утверждению мыслителей от Аристотеля до Мамардашвили, доступно не всем (пусть её и преподают всем студентам университетов). Философские идеи в упрощённом, дистиллированном и бессмысленном виде во все исторические периоды обладали большой силой воздействия на массы, но само чистое мышление признаётся философами непрагматичным, а обучение ему – почти невозможным.

Правомерным кажется выявление жанровых отличий философских текстов. Можно говорить о философских генризмах – жанровых маркерах конкретных «режимов» философского высказывания. Почти невозможно дать полную типологию философских жанров в русской речи, поскольку они постоянно находятся в процессе живого становления. Всё же можно говорить о самых значимых для самих философов: беседе (не столько на соответствующие темы, сколько под нужным углом зрения), лекции, посвящённой разбору вопросов, а не изложению фактов, семинарском занятии с дискуссией и анализом текста, конечно, о философской статье и философском трактате-монографии.

Следует уточнить содержание понятия «генризм». Оно представляется совокупностью речевых единиц любых уровней, коннотативно связанных с определённым речевым жанром. Например, выражения типа «Ну, я такая – да ну!? А он такой – ну да!» содержат

маркеры устного жанра дружеской беседы девушек о юношах. Здесь работает и использование междометий, частиц, и характерные разговорные синтаксические конструкции, и другие дискурсивные аспекты. В свою очередь, фразы наподобие «Ведь именно это существо обнаруживает говорение мысли вне нашего Я» (Подорога, 1995, с. 267), очевидно, конструктивно, как синтаксически, так и по выбору лексических средств отсылают воспринимающего к одному из современных философских жанров, а именно – к жанру обработанных материалов лекции, причём не по истории философии (её как раз считают наукой), а по собственным концепциям профессионального философа, такого мыслителя, для которого важно показать свой статус нетривиального «делателя мысли» (есть мнение, что если искусство показывает, по В.Б. Шкловскому, «деланье вещи», то философия – «деланье мысли»). Подобные стремления казаться философом, а не только быть им, легко могут быть выражены через стандартные коммуникативные стратегии, которые столь же успешно используются в сфере гуманитарной науки. Эти стратегии предполагают создание у слушателя (не у собеседника, которого в этой ситуации не может быть) уверенности в том, что перед ним философское построение, философская словесная ткань, а тут требуются именно отсылки к жанрам философской речи. Следующей ступенью такой работы является создание видимости принадлежности к той или иной философской школе, отсылка к уважаемому философскому методу. В этом случае автор, если и хочет что-то понять и сказать, говорит это лишь себе, а рецепиенту оставляет видимость важности сказанного. Часто настоящие когнитивные задачи решаются вместе с подобными «имиджевыми» (Векшин, 2017, с. 55), но философствование затрудняется от такого смешения.

Собственно философское высказывание представляется нам речевым конструктом, имеющим особую сюжетную, повествовательную структуру, основанную на движении мысли и наблюдении за ней. Поскольку в современных условиях не только произведением искусства может быть названо абсолютно что угодно – после выдающегося «фокуса», «высказывания» М. Дюшана, который более 100 лет назад создал арт-объект из писсуара, узаконив принцип реди-мейда, – но и произведением философии считается то, что автор или группа авторов провозглашает произведением философии. На таком принципе строятся спекуляции целых научных институтов. И всё же философский текст далёк от теоремы, от проповеди и от романа, пусть и сочетает (особенно в русской традиции) их черты. Для изучения повествовательной структуры русского философского текста целесообразно использовать понятие точки наблюдения, которая является аналогом понятия точки зрения (см. «Поэтику композиции» Б.А. Успенского (Успенский, 2000)). Это позиция говорящего, обеспечивающая слежение за предметом речи, не имеющим физических характеристик (мыслью, идеей, понятием, образом). Речевая композиция философского текста определяется движением точки наблюдения, и это – ещё одна важная жанровая черта.

Нарративность философского текста может исследоваться в тех же аспектах, что и лирический сюжет стихотворения: не в прямом смысле повествовательности, при котором обязательны персонажи, их действия и движение, а в смысле переносном, когда, как в музыке у А.Ф. Лосева, действует стихия чистого становления, изменения, и это делает время, темпоральное развёртывание философского и лирического текстов крайне важным, пусть и в разных аспектах. Повествовательность здесь

создаётся на уровне коммуникативного пространства: общая интенция философского текста, характеризующая его нарративный синтаксис, выражается как: 1) движение от точки наблюдения за конкретными предметами к обобщениям; 2) уравнивание статуса симметричных (конъюнкция, последовательность, противопоставление) и асимметричных межфразовых отношений (причина, уступка, следствие и т. п.), с которым связана характерная самопротиворечивость философского повествования, а также его стремление к приданию всякому речевому приёму когнитивной функции (Гейченко, 2013, с. 23). В художественном повествовании же автор идёт ещё дальше, поскольку не обязан, как философ, говорить только о реальном мире или с оглядкой на него. Как было отмечено, всякий философский текст работает как отпечаток «делания мысли» (ведь золотой век русской философии почти совпал с эпохой русского формализма), в котором есть сюжет, и сюжет этот лежит в пространстве движения точки наблюдения за мыслью, само же сделанное в этой мыслительной работе может оказаться бессмысленным без осознания проделанного пути. Это делает, в частности, невозможным реферирование философского текста.

Формат настоящей статьи не позволяет приводить объёмные примеры движения философской мысли, хотя оно проявляется именно на «длинной дистанции». И всё же есть возможность выявления некоторых частных признаков философских генризов (более подробно о типологических особенностях философских текстов см. в указанных объёмных работах Н.М. Азаровой).

1. Лексемы философского семантического поля, такие как существительные бытие, сущее, эйдос (лексема идея настолько хорошо усвоена другими контекстами, что даже в функционально-стилистическом отношении стала нейтральной), меон и т.п., в том числе прилагательные трансцендентальный, имманентный, акцидентный, априори (Азарова, 2010, с. 44), иначе говоря, классические философские термины. В «нормальном» философском тексте они идут без объяснения, если только автор не изменил их значение намеренно: «Имманентный рассудок... вдруг становится трансцендентен для себя самого: оказывается, что в центре его имеется щель, через которую высыпается его содержание» (Булгаков, 1994, с. 89). Здесь сочетание нейтральной или разговорной лексики с философскими терминами только усиливает эффект отсылки к философскому дискурсу, но о механизмах этого усиления можно будет судить, увидев более полную картину.
2. Реэтимологизированные, дефразеологизированные или иначе переосмысленные научные и иные лексические единицы, понимание которых невозможно не только без знания контекста, содержания философского сочинения, но и без правильного, сюжетного его прочтения, при котором открывается вся история «взросления» понятия в книге. Значение этимологии для философской речи справедливо отмечает в своих работах Н.М. Азарова (Азарова, 2010, с. 71–96), она же подробно говорит о местоимённой поэтике философского текста. Здесь мы сталкиваемся со старой мыслью о том, что философ творит собственный язык. Часто встречается дефразеологизация: «Если же думать значит иметь в виду, то общие понятия можно иметь» (Друскин, 2000, с. 711). Не меньшее значение имеет собственно переосмысление происхождения слова с вскрытием его внутренней формы: «...это не чудесный мир, а именно чудный.

Чудо – это такое явление, которое, несмотря на то, что оно происходит в реальности, отменяет ее законы. Чудо – явление невозможного, в отличие от чудного, явления странного, поразительного, о-чужденного и все же реального. Чудное словно неудавшееся чудо, но и не чудесное» (Друскин, 2000, с. 154).

3. Словообразовательные и грамматические, а особенно синтаксические особенности философского текста. Последние были рассмотрены нами ранее (Гейченко, 2013), в то время как словообразование русских философов XX века давно является достаточно разработанной темой в отечественной лингвистике. Напомним лишь, что составные термины (причём нарративные по структуре, объясняемые только через повествовательную экспликацию) встречаются весьма часто: «Я-голос», «я-индентичность», «я-прошлое и я-настоящее» (Подорога, 1995, с. 5, с. 145, с. 339), «я-любящему» (Подорога, 1995, с. 355) или «вне-себя-бытие», «для-себя-бытие» (Лосев, 1999, с. 71, с. 74).

Приведённые жанровые маркеры философского текста позволяют найти примеры высказываний, устроенных как философские, но перенасыщенных философизмами (философскими генризмами), но не полностью решающих задачи создания целостной и соразмерной объяснительной концепции. Делать выводы об успешности решения таких задач можно только на основе больших текстовых фрагментов, но и компактные сверхфразовые единства дают некоторое представление о тактике их авторов:

«В качестве органа, формы, функции и части метафизики философия участвует совместно с искусством, религией и властью в освоении идеальных миров вне человека и в самом человеке, переводя их содержания на смысловой язык категорий и терминов. В качестве метафизики философия предстает как специальный «**роддом**» **ума**, в котором вынашиваются, оформляются и выходят в свет смысловые и смышленные дети истины. В качестве орудия возмездия идеального философия высвобождает преображенное христианством ничто, становясь патофизикой и волей у-ничто-жающего и ничтожащего ничто, посланником карающего рока» (Шулевский, 2011, с. 3). В данном отрывке наблюдаются как лексические, так и словообразовательные и синтаксические маркеры философскости, причём отсылки сделаны, очевидно, не к неопозитивистской традиции, в которой имитации всегда имеют более выверенный и гармоничный вид. Возможно, автор искренне верит в необходимость столь комплексного подхода, но разнородность его сочинения, тематическая и формальная, плохо сказывается на внимании читателя. Повторяем, что для полного подтверждения наших слов потребовался бы логический сверхфразовый анализ больших фрагментов книги, но и одного абзаца достаточно, чтобы осознать ситуацию. Автор в процитированном труде «Философия и возмездие», само название которого звучит нарочито парадоксально, сводит вместе софиологию, учение о дао, метаметафизические рассуждения, политические умозаключения и много других тем и понятий, что делает его сочинение поистине комплексным трудом, дающим максимально широкую, пусть и смутную, картину действительности. Уже в оглавлении диссонируют названия параграфов: «Гносеология и содомия», «Философская фаллология Платона», «Метафизика! Спаси “физику” людей!» (Шулевский, 2011, с. 1). Уже в них наблюдается типичная для русской философии напряжённая работа с лексической сочетаемостью и словообразованием, но дело не в том, что автор хочет казаться причастным к какому-то

удобному контексту в этой области, а в том, что он хочет быть максимально оригинален, пренебрегая требованиями внятности для реципиента, и даже соразмерности и сообразности. Возможно, читатели не вполне готовы к такой новизне и глубине, ведь сам автор восклицает: «Увы, из мира уходят силы метафизического прозрения! <...> Например, как доказать, что наше знание осины действительно соответствует осине и есть осиное знание, а не знание болотное?» (Шулевский, 2011, с. 23–24). Так или иначе, перед нами текст, который использует глубинные жанровые черты русского философского текста, а судить о том, складывается ли в этом тексте настоящий нарратив движения точки наблюдения, могут только сами философы, особенно использующие сходный языковой инструментарий.

В будущем возможно комплексное изучение жанровых аспектов философского дискурса и языковых способов его симуляции, сейчас же целесообразно попытаться дать пример философской пародии. Философичное и философское, как можно предположить, не тождественны, поскольку первое носит чисто стилистический, признаковый характер, а второе связано с задачами философии. Любое рассуждение можно сделать похожим на философское, используя расхожий набор генризмов. Достаточно выбрать режим имитации или пародирования и выстраивать речь вокруг характерных тем и отношений. Приведём пример такой трансформации научного текста, насытив его терминами русского идеализма: «Внутренний морфемный эйдос лексемы может, претерпевая процесс постоянного становления через чистую интеллигенцию, – пережить деривационную трансформацию и стать как бы не собой, перераспределить в себе меон в следующей жизни, что и приведёт к морфемному переразложению». Термин *эйдос* тут почти тождествен термину «идея», понятие *становления* отсылает нас к диалектике, а *меон* (не-сущее), *интеллигенция* (форма существования идеальной сущности в уме) – к неоплатонизму и его актуализации в творчестве А.Ф. Лосева. Использование лексем *жизнь*, *внутренний*, *чистый* отсылает к работе с метафорой и символом в русской философии. К сожалению, в большинстве случаев такие подражания и пародии не дают полезных результатов, поскольку философия взыскательна к содержанию, и самая форма в ней содержательна. Однако эти эксперименты вскрывают глубинные игровые механизмы в русском философском дискурсе, который не оформился в полноценный стиль и даже сопротивляется такому оформлению, но предполагает живое жанровое мышление, в рамках которого форма высказывания является определяющим фактором формирования философского содержания высказывания.

Список литературы

1. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию: Материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. М., 1995.
2. Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы // Успенский Б.А. Поэтика композиции. – СПб. : Азбука, 2000. – (Academia).
3. Векшин Г.В. Основы стилистической семантики: Учебное пособие / Г.В. Векшин, С.А. Гейченко. М. : Московский технологический университет (МИРЭА), 2017. – 128 с.
4. Гейченко С.А. Русский философский текст: механизмы наррации и типология сверхфразовых структур (П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев) // Вестник РУДН. – («Теория языка. Семиотика. Семантика»). – 2013. – № 4. – С. 22–32.
5. Азарова Н.М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в.: Монография. М.: Логос / Гнозис, 2010.
6. Азарова Н.М. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст) : монография. – М. : Логос / Гнозис, 2010. – 496 с.
7. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – М., 1994. – 270 с.
8. Друскин Я. «...Сборище друзей, оставленных судьбою»... : «чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2-х тт., М., 2000.
9. Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Том 1. Н. Гоголь. Ф. Достоевский. М., 2006.
10. Лосев А.Ф. Самое самó / под общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. – М. : Эксмо-пресс, 1999. – 1022 с. – (Антология мысли).
11. Шулевский Н.Б. Философия и возмездие. – М., 2011. – 253 с.

Philosophical narrative and philosophical simulation: problems of linguistic genre markers

Abstract: *The article attempts to analyze aspects of imitation of the Russian philosophical text on the basis of genre markers. Russian philosophical style, signs and properties of the Russian philosophical text, the conditions and circumstances of existence of the modern language of philosophy are considered.*

Key words: *philosophical text, genre, philosophic imitation, philosophical style, idiostyle of a philosopher.*